Марина Ветрова ✦ Юнона Белова

ИЗМЕНА МУЖА.

Ты оставил меня без денег,
но восточный принц
лишил тебя всего!

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты оставил меня без денег, но восточный принц лишил тебя всего!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты оставил меня без денег, но восточный принц лишил тебя всего! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж бросил меня ночью в Джидде. Забрал паспорт, деньги, банковские карты и улетел с любовницей. А мне оставил огромный долг перед клиникой и чужую страну, из которой невозможно выбраться.Я думала, что потеряла всё. Пока на пороге не появился Рустам — загадочный человек в сером костюме, которому подчиняются люди, способные найти кого угодно.Он предложил мне работу и защиту. Но вскоре выяснилось: предательство мужа было тщательно спланировано, а Рустам знает гораздо больше, чем говорит.Теперь счета моего предателя заморожены, любовница сбежала, а сам он готов унижаться передо мной.Только почему опаснее мести оказывается мужчина, который впервые увидел во мне женщину?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночной рейс 5
Глава 2. Комната должников 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Марина Ветрова, Юнона Белова
Измена мужа. Ты оставил меня без денег, но восточный принц лишил тебя всего!

Глава 1. Ночной рейс

Я проснулась от тишины.

Такое бывает только у моря: кончается гул кондиционера, и ты слышишь, как дышит вода. Третья ночь оздоровительной программы. Одиннадцать дней до конца. Я повернулась к Глебу — и его половина кровати была холодная, ровная, чужая.

— Глеб?

В гостиной не горел свет. На террасе — тоже. Дверь террасы была приоткрыта, и полоска ночного моря лежала на мраморном полу, как лезвие.

Я шла босиком по холодному камню и уговаривала себя: он вышел подышать. Он пьёт воду с лимоном. Он проверяет почту — у консультантов по особым поручениям всегда ночью горят глаза и звонит телефон. Он сейчас вернётся и скажет: «Вер, ты чего, иди спать».

Сейф стоял открытым.

Небольшой, серый, вделанный в стену за гардеробной. Он был распахнут, как шкаф, из которого вынесли всё, даже вешалки. Я сунула руку внутрь, будто там могло что-то уцелеть, — только холодный металл.

Синяя папка с документами исчезла. Оба паспорта — мой и его. Конверт с картами: зарплатной, накопительной, той, что «на чёрный день». Ключи от московской квартиры. Его чемодан — кубический, тяжёлый, который он называл «мобильным офисом», — исчез так чисто, что на ковре остались только следы колёсиков, две аккуратные борозды, как от саней.

Мои платья висели. Моя косметика стояла. Мои тапочки ждали у кровати. Он забрал не вещи. Он забрал моё право на жизнь: паспорт, деньги, дверь домой.

Руки начали дрожать не сразу. Сначала я, как на работе, включила администратора: план, список, действия. Позвонить мужу. Трубка отзывалась мёртвыми гудками. Второй раз. Третий. Написать: «Глеб, где ты?» Сообщение повисло непрочитанным, как флаг над пустым посольством.

Забронировать билет обратно, с утра, первой же свободной линией — я даже начала тыкать в телефон пальцами. Успеть в Москву, заблокировать счета, заявление, стоп-приказ на квартиру —

«Операция отклонена».

Другая карта. «Операция отклонена».

Третья. «Обратитесь в ваш банк».

Я сидела на полу гардеробной, в шелковой пижаме за двести долларов, между чужим сейфом и чужой страной, и телефон холодил ладонь. За стеклом, далеко, шипело Красное море. Оно было совсем не красное — чёрное, с ртутными бликами, и мне вдруг стало по-настоящему страшно, впервые за одиннадцать лет брака. Не «он мне изменяет» страшно. Хуже. «Меня выключают из собственной жизни» страшно.

В четыре утра в резиденцию никто не шёл. Я дозвонилась в дежурную службу клиники — женский голос, вежливый, на трёх языках по кругу.

— Меня зовут Вера, резиденция одиннадцать, программа «Восстановление». Нужно срочно связаться с финансовым отделом.

— Минуточку… Мадам, ваш платёж отозван вчера в двадцать два ноль-ноль. Спонсор отозвал предоплату за всю программу. Ваш счёт не оплачен.

— Какой спонсор? Это платил мой муж.

— Плательщик, — голос поправил меня мягко, как гладят, — отозвал платёж. Сумма к возврату им принята. Ваше пребывание на текущий момент не обеспечено, мадам.

Не обеспечено. Я повторила это слово про себя, и оно было как камешек, положенный под язык.

А в 4:12 пришло фото.

Неизвестный номер, местный. Один снимок, без подписи. Салон маленького самолёта, ночь за иллюминатором, тёплый свет. Кира — да, та самая Кира, «дизайнер интерьеров», которая полгода приходила к нам домой с тканями и палитрами, которой я наливала чай и жаловалась на Глеба, — Кира сидела, откинувшись, положив подбородок на плечо моего мужа. Глеб смеялся. На коленях у Киры стоял бокал. У Глеба в руке был мой паспорт — он держал его, как меню.

Я не закричала. Я вообще не из тех, кто кричит. Меня начало трясти — мелко, изнутри, как будто кто-то держал мой позвоночник и говорил: «Замри». Тошнота подкатила к горлу солёной волной. Я добрела до ванной, включила воду, просто чтобы слышать что-то своё, и посмотрела в зеркало: женщина тридцати четырёх лет, запавшие глаза, коса на бок, пижама. Кому-то я десять лет назад приснюсь. Мне сейчас — нет.

«Глеб, — написала я. — Ты понял, что сделал?»

Через минуту под сообщением развернулась галочка «прочитано». И всё. Ни ответа, ни точки в наборе. Он прочитал меня, как чек, и убрал в карман.

Я не помню, как дожила до рассвета. Сидела на террасе в пижаме, завёрнутая в плед, и смотрела, как море из чёрного становится свинцовым, потом серым, потом — цвета остывающего железа. Где-то в городе, из мечетей, поплыл голос, длинный, чужой, красивый; я не понимала ни слова, но он странным образом держал меня, как держит ремень безопасности в трясущемся автобусе. Солнце вышло из-за горизонта красным, и вода стала наконец соответствовать названию.

В шесть я собралась. Собралась буквально: волосы в узел, белые брюки, рубашка, сандалии. Адвокат в Москве, консульство? Банк. Долг клинике. Порядок действий. Я — администратор с девятилетним стажем, я распутывала истории и похуже. Я встала, взяла сумку — и увидела, что из кошелька исчезли наличные. Всё. Даже мелочь из кармана сумки. Он выгреб меня до монетки.

Дверь резиденции я открыла сама.

В коридоре, у самой двери, стоял человек. Невысокий, в сером костюме без единой складки, в серой рубашке. Возраст — не поймёшь: сорок? Седина на висках, спокойное лицо, глаза тёмные и внимательные, как у врача, который уже видел ваш снимок и просто решает, как вам это сказать. Он не охранник — охранники стоят. Этот — присутствовал.

— Доброе утро, — сказал он по-русски, почти без акцента, тихо. — Могу я войти? Разговор займёт пять минут.

— Кто вы?

— Тот, кто отвечает за этот берег, — он не улыбнулся, но это не было грубостью. — Присядьте, пожалуйста. Вы не спали, у вас холодные руки. Я позову кофе.

Я не присела. Он не настаивал. Он вошёл, глянул на распахнутый сейф одним коротким движением глаз — так глянул, будто сейф уже был в его отчёте, — и остался стоять у стола, положив на него ровно ничего: ни папки, ни телефона, ни права.

— Ваш муж улетел в 1:40, — сказал он. — Частный борт, выкуплен третьим лицом. С ним была женщина. Документы и платёжные средства, судя по всему, у него. Ваша предоплата

отозвана в 22:00, за три часа до вылета — то есть заранее. Это была не ссора, Вера Сергеевна. Это была операция.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Здесь все знают имя того, кто должен клинике сорок одну тысячу риялов, — сказал он спокойно. — С резиденцией, трансфером и программой. Задолженность повисла на вас в полночь.

Сорок одна тысяча. Цифра легла на плечи, как мокрое полотенце.

— Я всё верну, — сказала я. — Мне нужно в консульство, в банк, я решу это сегодня же. Мне нужно…

— Вам нужно никуда не ехать, — перебил он, не повышая голоса. Совсем. Я даже вздрогнула от того, как тихо это прозвучало. — У вас нет паспорта. Билеты вам не продадут. На границе вас развернут. Ваши карты — вы уже проверили. Здесь говорят: Джидда не прощает. Это не про месть, Вера Сергеевна. Это про память. Город помнит всё, что вы сделали, — и всё, что сделали с вами.

— Я здесь вообще ни при чём! — голос сорвался, и я услышала себя со стороны: тонко, жалко.

Он посмотрел на меня — и в этом взгляде не было ни капли жалости. Было что-то хуже и лучше жалости одновременно: интерес. Как будто я оказалась не той бумажкой, которую он ожидал увидеть в папке.

— При чём, — сказал он. — Вы — единственный человек в этой истории, кто при чём дважды. Никуда вы пока не поедете.

Он ушёл без прощания, закрыв за собой тяжёлую дверь. И через десять минут в дверь постучали: девушка из администрации внесла поднос — кофе с кардамоном, тёплые финики, стакан воды со льдом. «От администрации, мадам. Вам нужно поесть». Я не просила. Значит, кто-то распорядился — до того, как ушёл. Я пила густой, пряный кофе, ела финики, и тёплая сладость оттаивала меня изнутри, как оттаивает замёрзшее окно от чашки, поставленной на подоконник. Мир только что обрушился — а кто-то в этом мире позаботился, чтобы у меня был горячий кофе. Я запомнила это. Запомнила как долг.

И знаете, что я сделала потом? Я заплакала. Один раз, громко, уткнувшись лицом в плед, — три минуты, я засекла. Потом умылась, посмотрела в зеркало на красные глаза и сказала вслух, по слогам, как приговор:

— Ну что ж. Посмотрим, кто кого не простит.

Глава 2. Комната должников

К одиннадцати утра меня переселили.

Не в тюрьму — не думайте. В корпус для персонала, в комнату с узкой кроватью, сейфом размером с коробку конфет и окном, выходившим на глухую белую стену с тонкой полоской неба. Странная, вывернутая клетка: обычно богачи живут с видом на море. Я стала должницей — и мне досталась стена. Администратор переселения, парень с безупречными манерами, назвал это «гарантийным размещением». По-русски это называлось «не отпустим, пока не заплатишь».

Долг висел надо мной, как кондиционер над стойкой: гудел и капал.

Фахд, управляющий клиникой, встретил меня стоя у окна. Сел только после меня: урок был понятен. Кожаное кресло, браслет дорогих часов, запах удкого дерева от одежды.

— Ситуация простая, — сказал он сначала на своём английском, потом сжалился и перешёл на русский с акцентом. — Программа не оплачена. Резиденция — не оплачена. Трансфер, питание, страховка — не оплачены. По контракту, который подписывали вы сами, страница четвёртая, пункт девятый, неоплаченное пребывание обеспечивается присутствием. Вы остаётесь на территории кампуса до урегулирования.

— У меня украли документы. Я не могу ни уехать, ни заработать. Это ловушка.

— Это контракт, — Фахд развёл пальцы, показывая страницу четвёртую, пункт девятый, как фокусник карту. — Ловушка — это когда вас не предупреждали. Вас предупреждали. Вы не читали. Это не одно и то же.

Я позвонила маме.

— Ма, у меня беда. Глеб…

— Что Глеб? — голос мамы был тёплый, домашний, с запахом ватрушек. — Глеб — золото. Ты это поймёшь, когда поживёшь с ним ещё лет десять. Я сразу сказала: держись за него. Я таких за всю жизнь двух видела.

— Мама. Он улетел. С Кирой. Забрал мои документы и деньги. И квартиру… — голос предательски дрогнул. — Ма, я в Джидде. Без паспорта.

Пауза затянулась. Я услышала, как мама поправила телефон, потом шуршание — она, наверное, ходила по кухне, как всегда, когда не знала, куда деть тревогу.

— Верочка, ну а ты-то где была? Мужчина — как ребёнок. За ним глаз да глаз. Ты его на программу-то оздоровительную одну отправила? Вот он и ослаб. Сама подумай: женщина рядом — и он сразу внюхался в первую попавшуюся. Это не он виноват, это ты недосмотрела.

Я прижала телефон плотнее. Хотела сказать: «Он забрал паспорт». Хотела спросить, слышит ли она вообще, что я без документов в чужой стране. Но мать уже нашла объяснение — привычное, гладкое, где за поступок мужчины отвечает женщина.

— Мам. Он продал квартиру. Я звонила в банк утром. Квартира продана четыре дня назад по доверенности. Доверенность — моя. Он получил её два года назад, «на машину перегнать». Мой счёт обнулён и закрыт. Всё, мам. Квартиры нет. Денег нет. Я — нищая в чужой стране.

На том конце перестали шуршать. Я услышала только её дыхание — короткое, сбившееся.

— Так, — сказала мама. — Подожди. Ты уверена, что это именно продажа?

— Я видела выписку. Там дата, сумма и номер доверенности. Я могу прислать.

— Не надо пока… — Она осеклась. — Нет. Пришли. Я просто… Вер, он же вчера звонил. Спрашивал про твоё давление. Как человек, который собирается… — В голосе у неё впервые дрогнуло не раздражение, а растерянность. — Я не понимаю.

Я закрыла глаза. Море шумело за стеной корпуса, кондиционер гудел, капал конденсат. Моя мать, Лидия Павловна, учительница с тридцатилетним стажем, женщина, которая держала меня, когда мне было девять и я разбивала колено, сейчас искала спасение в его заботливом звонке. Она ещё не выбрала меня — но впервые не смогла уверенно выбрать его.

— Мам, я пришлю. Только не звони ему, ладно? Не предупреждай.

— Я… хорошо. Пришли, Верочка. Я посмотрю сама.

Я отключилась первой. Телефон остался у уха ещё секунду, будто связь могла вернуть то, что только что треснуло. Потом экран погас. Я села на узкую кровать, подержала лицо в ладонях. Поплакать? Я уже использовала квоту на сегодня. В комнате для персонала, где пахло хлоркой и чужим шампунем, я вытерла лицо полотенцем, разгладила его и повесила обратно, ровно. У меня есть навык, о котором не пишут в резюме: я умею собирать себя по деталям, как чужой приём после скандала.

— Мам. Он продал квартиру. Я звонила в банк утром. Квартира продана четыре дня назад по доверенности. Доверенность — моя. Он получил её два года назад, «на машину перегнать». Мой счёт обнулён и закрыт. Всё, мам. Квартиры нет. Денег нет. Я — нищая в чужой стране.

Когда решаю — решаю навсегда. Это моё, родовое, от бабушки.

Он звонил ей. Про давление. За сутки до побега он звонил моей матери и спрашивал про моё давление, и она теперь будет повторять это до конца дней, как заклинание.

Я попрощалась первой. Села на узкую кровать, подержала лицо в ладонях. Поплакать? Я уже использовала квоту на сегодня. В комнате для персонала, где пахло хлоркой и чужим шампунем, я вытерла лицо полотенцем, разгладила его и повесила обратно, ровно. У меня есть навык, о котором не пишут в резюме: я умею собирать себя по деталям, как чужой приём после скандала.

Когда решаю — решаю навсегда. Это моё, родовое, от бабушки. Бабушка в сорок лет ушла из колхоза в город с двумя детьми и узлом, и все говорили «пропадёт», а не пропала.

Вечером, в шесть, за мной пришли. Девушка из администрации, вежливо: «Вас ждут в саду, мадам. Не официально».

Он сидел за столиком под старым деревом — серый человек из утра. Перед ним стояли два маленьких стакана без ручек и медный кофейник. Увидев меня, он плеснул из кофейника в мой стакан первым делом, не здороваясь.

— Пейте, пока даёт пену. Это кофе с кардамоном. Он помогает думать и мешает паниковать. Второе важнее.

Кофе был густой, тёплый, с пряным угаром. Тот самый вкус — утренний, из подноса. Руки мои обхватили стакан и не хотели отпускать.

— Меня зовут Рустам ибн Фейсаль, — сказал он. — Моя семья владеет этим холдингом. Клиника — её часть. Порт — тоже. Я курирую и то и другое. Теперь вы знаете, откуда я знаю ваше имя: вы живёте в моём долге.

— Я не отказываюсь платить. Мне нужно время и возможность.

— Время у вас есть — девять дней до конца программы, потом задолженность перейдёт в юридический отдел, а там уже не кофе, а повестки. Возможность… — он положил на стол ладонь, коротким движением, без нажима. — Возможность я вам предложу сам. Необычную.

Он помолчал, и я поняла, что он делает это специально: паузы у него были не пустые, а весомые, как гири. Люди вокруг нас в саду разговаривали вполголоса, пахло нагретым за день камнем и чем-то цветочным, тяжёлым.

— Вера Сергеевна. Вы девять лет — администратор клиники в Москве. Лучшей в своей сети, я проверял. У меня в клинике сорок процентов пациентов говорят по-русски, а администраторы — нет. Координатор программ в декрете, стойка живёт как может. Я предлагаю вам отработать долг за столом администратора. Жалованье минус задолженность, фиксированно.

Жильё — то, где вы уже живёте, оно входит в пакет персонала. Еда — общая столовая, там хорошо готовят, попробуйте суп с чечевицей.

— Я — жертва здесь, — сказала я тихо. — А вы предлагаете мне мыть вашу посуду.

— Я предлагаю вам ключи от чужого хаоса, — он чуть наклонил голову. — Посуду моют те, кто не умеет держать очередь. Вы, кажется, умеете. Или я ошибся в вашем резюме?

Я смотрела на него и думала: он знает про меня всё. Девять лет. Лучшая в сети. «Проверял». За один день. Кто проверяет жертву неоплаченного тура за один день?

— Почему вы это делаете? — спросила я прямо.

— Потому что ваши сорок одна тысяча мне неинтересны, — сказал Рустам. — А ваш муж — интересен. Очень. Но об этом позже, Вера Сергеевна. Не сегодня. Сегодня — пейте кофе. Он стынет.

Позже. Я запомнила это слово и подчеркнула его в уме красным. «Позже» у таких людей — это не «никогда». Это «ждите».

— У меня условия, — сказала я.

— Слушаю.

— Первое: никакого унижения. Я администратор, а не должница на панели. Второе: если я работаю лучше вашего координатора — вы это скажете вслух. Третье: когда долг закроется, вы помогаете мне с документами. Не «позже». По факту.

Он впервые за весь вечер сделал движение, похожее на улыбку, — не ртом, а глазами, на полмиллиметра.

— Принято. Первое — не от меня зависит, а от вас: у вас в голосе уже нет просительных нот, и это лучшая броня. Второе — скажу, и при свидетелях. Третье… — он встал, и оказалось, что он ниже, чем я думала, и это почему-то делало его только страшнее, как нож, который не надо заносить высоко. — Третье: документы начнут восстанавливать завтра утром. Не потому, что вы просите. Потому, что человеку без имени в этом городе не работают даже лифты. С семи ноль-ноль ваша смена, Вера Сергеевна. Стометровка начинается с первого шага.

Он ушёл, а я осталась сидеть под деревом с остывающим кофе и странным, досадным чувством: меня только что наняли в рабство — и я впервые за трое суток почувствовала под ногами пол.

В комнате я нашла на кровати бейдж. Белый пластик, синяя шнуровка, моя фотография — та самая, из украденного паспорта, откуда она у них? — и одна строка: «Вера. Администрирование. Временно».

Временно. Я повесила бейдж на шею, легла, не раздеваясь, и уснула мгновенно, как выключенная.

И уже сквозь сон, на самом краю, услышала — или мне приснилось, — как за окном, в стене, щёлкнуло что-то маленькое. Потом ещё раз. Я не придала этому значения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.